

Девиантное поведение представителей дворянского сословия белорусских губерний во второй половине XIX – начале XX вв.

Д.П. Бригадин

Анализируется криминогенность белорусского дворянства во второй половине XIX – начале XX вв. Автор рассматривает трансформацию социально-экономического положения представителей дворянского сословия в белорусских губерниях в пореформенный период как предпосылку изменений в девиантном поведении дворян. Подчеркивается репрессивный характер политики властей по отношению к белорусскому дворянству на протяжении всего рассматриваемого периода. Опираясь на данные судебной статистики, автор приходит к выводу о значительном участии представителей высшего сословия в совершении преступлений против порядка государственного управления. Автор делает заключение, что, в то же время уровень криминогенности дворянства в сфере имущественных, личностных правоотношений оставался невысоким.

Ключевые слова: белорусское дворянство, криминогенность, преступления против государственного управления, судебная статистика, девиантное поведение

The analysis of criminality of the Belarusian nobility in the second half of XIX – early XX centuries is presented. The transformation of the socio-economic situation of the nobility in the Belarusian provinces in the post-reform period as a prerequisite for changes in deviant behavior of the nobility is considered. The emphasis is made on the repressive policy of the authorities against the Belarusian nobility during the reviewed period. Based on the data of judicial statistics, the author finds significant participation of representatives of the upper class in crimes against the order of government. The conclusion is drawn that, at the same time, the level of criminality of the nobility in the area of property and personal relations remained low.

Keywords: Belarusian nobility, criminality, crimes against the order of government, judicial statistics, deviant behavior.

Дворянство Беларуси являлось значительной социальной группой населения с особым правовым, экономическим положением, укладом жизни, психологическим складом, своей системой ценностей. Основную часть дворян белорусских губерний составляла шляхта, которая сформировалась во времена Великого Княжества Литовского, Русского и Жемойтского. Консолидация белорусской шляхты в привилегированное сословие произошла еще в XVI в.

Дворянство делилось на потомственное, когда титул передавался по наследству, и личное, когда звание даровалось за заслуги и не наследовалось. Высшее сословие состояло преимущественно из потомственного дворянства. Так, в 1863 г. численность потомственных дворян в Беларуси составляла 229495 человек, а личных дворян и чиновников – 22634 человека [1, с. 321]. В структуре населения она составила соответственно 5,1 % и 0,5 %. В российских губерниях доля дворян была равной 0,76 % населения.

Особенностью белорусского дворянства был высокий удельный вес той его части, которая вела свою родословную на протяжении более ста лет до принятия в 1785 г. Жалованной грамоты дворянству. История шляхетских родов в белорусских губерниях прослеживается по дворянским родословным книгам, которые были введены в Российской империи Екатериной II. «В дворянскую родословную книгу в наместничестве внести имя и прозвание всякого дворянина, в той губернии имением недвижимым владеющего, и дворянство свое доказательствами утвердить могущего», – говорилось в грамоте [2, с. 344–358]. В Беларуси количество шляхты, имеющей более чем столетнюю историю, составляло около 40 %.

Потомственное белорусское дворянство было многоконфессиональной, имела вековые традиции участия в государственном и местном управлении и, несмотря на различия в уровне материального благополучия, сохраняла свою особость.

Российские власти в белорусских губерниях проводили ограничительную политику в отношении католической шляхты, подавляющее большинство которой они относили к лицам польского происхождения. Эта политика была направлена на уменьшение экономического и политического влияния шляхетского сословия. Массовый характер носили репрессии против

шляхты после восстания 1830–1831 гг. Анализ алфавитных списков участников восстания свидетельствует, что шляхта составляла более половины повстанцев.

Десятилетиями тянулась процедура подтверждения шляхтой своего статуса. «Разбор шляхты» завершился только в 60-е гг. XIX в. Указом Александра II от 23 сентября 1864 г. были определены меры по завершению рассмотрения дел о причислении к дворянству. Лица, не получившие подтверждения и не находившиеся на государственной службе, должны были до 1 января 1865 г. приписаться к мещанству или сельскому обществу [3, с. 907–909].

Проводилась целенаправленная политика властей по сокращению численности дворян через усложнение процедуры подтверждения ею своего статуса. Так, в Виленской губернии с 1863 г. по 15 февраля 1865 г. было отказано в утверждении в дворянском звании 33034 человека [4, с. 561]. В Минской губернии в 1868–1869 гг. из всех подавших документы в дворянстве были утверждены только 53,4 % (10850 человек) от числа просителей [5, с. 38].

В 60-е гг. XIX в. сокращение численности белорусских дворян произошло также в связи с их активным участием в восстании 1863 г. Этому способствовали как людские потери в ходе боевых действий, так и последовавшие затем репрессии.

Генерал-губернатор М. Муравьев сообщал в Министерство государственных имуществ, что «в Западных губерниях находится класс населения вредный для спокойствия края и всегда враждебный нашему правительству. Это малоземельная, так называемая чиншова шляхта, поселенная на казенных, помещичьих и на своих собственных землях, а также однодворцы, которые, происходя из той же шляхты и не доказав своего дворянского происхождения, вынуждены были приписаться к податному сословию» [4, с. 535–536].

Репрессии затронули десятки тысяч участников восстания, но в первую очередь они коснулись высшего сословия. Министр внутренних дел П. Валуев сообщал о принудительном выселении целых поселений однодворцев и мелкой шляхты во внутренние губернии России. «Настоящий мятеж снова доказал, что шляхта и однодворцы, сохраняя в памяти своей традицию о прежней буйной и самовольной жизни и еще так недавно утраченных правах, по первому призыву революционной партии присоединились к мятежу» [4, с. 535]. В то же время, рассматривая существующую практику выселений дворян целыми семьями, М. Муравьев указывал на опасность распространения оппозиционных настроений во внутренних губерниях России. Он предлагал «устроить в некоторых частях Сибири или северных губерниях, где много лесу особые здания для жительства высылаемых лиц под строгий надзор. Это не было бы сопряжено с большими издержками и для будущности России было бы лучше, нежели расселение поляков по всей Империи» [4, с. 548]. Однако идея концентрированного размещения «неблагонадежного элемента» в малопригодных для жизни районах получила массовое практическое применение только в XX в.

Репрессивный механизм российских властей включал в себя как меры административного, религиозного, политического, так и меры экономического воздействия. Законом от 10 декабря 1865 г. была запрещена покупка земли лицами польского происхождения, к которым относили всех католиков, а также тех, кто использовал польский язык в быту. Единственным способом приобретения помещичьих имений в собственность оставалось наследование. Закон также обязывал владельцев секвестрированных имений в двухгодичный срок продать недвижимость лицам русской национальности, православного или протестантского вероисповедания или обменять ее на имение в другой части империи. Для ускорения этой процедуры закон даже освобождал договаривающиеся стороны от уплаты причитающихся пошлин.

Смысл подобной правовой дискриминации коренных дворян заключался, как подчеркивалось в преамбуле, в «водворении русского элемента в Западном крае» и «усилении в оном числа русских землевладельцев». Отмечалось, что «ничтожное по численности население польского происхождения дает всему краю характер польский и мешает остальному, несколько не польскому населению, правильно развиваться». В документе указывалось, что сила бывшего шляхетского сословия заключалась в его корпоративной замкнутости владения недвижимостью, не допускающей к себе другие национальности, особенно русскую [6, с. 326–327].

На уменьшение влияния местного дворянства были направлены ограничения на передвижение, различные штрафы и поборы. Они вводились губернаторами по законам военного времени. За использование польского языка в общественных местах, официальной переписке, за негативные высказывания в адрес властей штрафы могли достигать от 1 до 100 рублей. Кроме обычных налогов на дворян-католиков был наложен 10 % контрибуционный сбор с дохода от их имений, который был отменен только в 1897 г.

В качестве примера проявления дискриминации по религиозному принципу следует указать введенный в 1866 г. Виленским генерал-губернатором А. Потаповым налог для дворян католического вероисповедания на содержание православного духовенства, действовавший вплоть до 1918 г. Как отмечает А.П. Житко, в 1911–1913 гг. дворяне-католики Виленской и Гродненской губерний должны были внести на поддержку православного духовенства 54469 руб. и 49160 руб. соответственно. В то же время сословные взносы дворян всех конфессий на содержание канцелярии предводителей дворянства, депутатских собраний, дворянских аптек и другие нужды составили всего 38834 руб. в Виленской и 41353 руб. в Гродненской губерниях [5, с. 112–114].

Режим препятствования правам католического дворянства на владение землей усилился с принятием 27 декабря 1884 г. «Правил относительно приобретения в собственность, залога и арендовании в девяти западных губерниях земельных имуществ, вне городов и местечек расположенных». Отныне дворянам «польского» происхождения запрещалось становиться держателями залога на земельные угодия. Акционерным компаниям запрещалось арендовать земельные участки размеров более 200 десятин. При нарушении правил земля подлежала конфискации [7, с. 602–604].

В 1886 г. в белорусских губерниях было введено очередное ограничение – были признаны недействительными все ранее выданные свидетельства о праве на приобретение имений. Вопросы о выдаче новых свидетельств передавались на разрешение местных губернаторов, решение которых не подлежало обжалованию [8, с. 470].

В 1891 г. постановлением Комитета министров лица «польского» происхождения лишились права на получение земельной собственности в пожизненное владение [9, с. 41]. Эти ограничительные меры, а также проведенные во второй половине XIX в. реформы внесли серьезные изменения в экономическое положение и социальный статус дворянства. Такие привилегии, как право владения имением, свобода от рекрутской повинности, освобождение от земских повинностей, от телесных наказаний потеряли свое значение.

Происходил процесс сокращения дворянского землевладения. С 1877 г. по 1905 г. в белорусских уездах дворянские землевладения сократились на 10,8 %. Однако этот показатель был значительно меньше, чем в целом по Европейской части Российской империи, где сокращение составило 27,2 % [1, с. 195].

Белорусские дворяне «держались» за землю, стремились сохранить свои традиции несмотря ни на что. Поэтому происходившие процессы социальной дифференциации дворянского сословия как многочисленной социальной группы не приводили к ее автоматической ликвидации. Социальное разложение высшего сословия в Беларуси в отличие от других регионов Российской империи носило более ограниченный характер. Белорусское дворянство в подавляющем большинстве оставалась на селе. В белорусских губерниях в городах в 1897 г. проживало только 23,3 % дворянства, в то время как в Европейской части Российской империи этот показатель составил 47,2 %.

В конце XIX в. потомственное дворянство продолжало составлять в Беларуси основную часть этого сословия. В результате подавления восстания 1863–1864 г. и последовавших репрессий численность потомственных дворян сократилась к 1867 г. наполовину – до 122 тысяч [5, с. 57]. Затем в результате естественного прироста населения их численность возросла до 205023 человек в 1897 г., в то время как число личных дворян и чиновников – до 36006 человек [10, с. 16]. Такая пропорция было нехарактерна для европейской части Российской империи, где соотношение потомственного и личного дворянства было приблизительно 2 к 1. В структуре населения белорусских губерний в конце XIX в. дворянство составило 2,8 %.

Во второй половине XIX в. наблюдается процесс социального расслоения высшего сословия Беларуси. Часть из них владели значительными земельными угодьями, имениями, денежными капиталами. Представители этой группы держались обособленно, проводя большую часть времени за границей. К концу XIX в. крупные дворянские землевладельцы вовлекались в предпринимательскую деятельность. Вторая группа – это дворяне, которые владели небольшими имениями, выступали арендатором деревень, отдельных ферм. Представители этой группы служили в государственных учреждениях, работали управляющими и экономами у крупных помещиков, занимались творческой работой. И, наконец, наиболее многочисленная третья группа – это беднейшая шляхта, которая трудилась на земле, наравне с крестьянами.

При всем различии экономического положения дворянство сохраняло свою сословную общность, солидарность, традиции, культуру. Честь и достоинство оставались главными характеристиками в поведении представителей высшего сословия. Поэтому не случайно структура девиантного поведения дворян имела свои особенности. В Российской империи основным видом преступлений этой сословной группы были так называемые преступления против государственного управления, к которым можно отнести преступления против порядка управления, оскорбление власти, государственные преступления (смута, бунт), а также служебные преступления, включая мздоимство, растрату казенных средств, служебные подлоги. Так, в 1887 г. за служебные преступления было осуждено 244 дворянина или 25,3 % от числа привлеченных к суду представителей этого сословия, за преступления против государственного управления – 229 человек (23,8 %), за кражи – 164 человека (17 %). В 1891 г. статистика имеет схожий характер – за преступления против государственного управления было осуждено 21,9 % дворян, за служебные преступления – 19,4 %, за кражи – 17,9 %. В 1897 г. больше всего дворян было осуждено за кражи – 19,4 %, за преступления государственного характера – 19,4 %, за служебные преступления – только 10,3 %.

Участие дворянства в политических событиях в годы первой российской революции обусловили увеличение числа осужденных за преступления против государственного управления до 43,3%. В последующие годы наиболее характерными для дворянства становятся служебные преступления. В 1910 г., например, за служебные преступления было осуждено 23,1 % дворян от общего числа приговоренных к наказанию представителей этого сословия, за преступления государственного характера – 21,6 %, за кражи – 16,1 %. В 1912 г. судебной статистикой зафиксирован дальнейший рост числа служебных преступлений – 27 % осужденных, при 19 % осужденных за преступления против государственного управления и 12,5 % осужденных за кражи.¹ Важные отличия структуры преступности дворянства от других социальных групп заключаются в относительно небольшой доле краж (среди крестьянства и мещанства кражи составляли около трети всех преступлений) и незначительной доле насильственных преступлений – убийств, грабежей, разбоев, причинения телесных повреждений.

Показательным является тот факт, что дворяне практически никогда не осуждались мировыми судами за мелкие кражи, хотя именно такие преступления составляли более 70 % всех деликтов, рассматриваемых в мировых судах. Самым распространенным так называемым «бытовым» правонарушением среди дворян Российской империи было прошение милостыни. За него в 1887 г. осудили 22 из 23 осужденных мировыми судами дворян, в 1891 г. – 29 из 29, в 1897 г. – 20 из 23, в 1907 г. – 8 из 13, в 1912 г. – 21 из 36. Таким образом, мелкое воровство, совершенное даже в состоянии крайней нужды, считалось недопустимым в дворянской среде, оно шло вразрез с понятием фамильной чести и чувством собственного достоинства. Прошение милостыни, в свою очередь, в обыденном сознании большинства населения воспринималось как занятие, достойное сострадания, а не осуждения.

Осужденные шляхтичи исключались из дворянского сословия. Отбыв наказание, они должны были приписаться в податное сословие, к мещанскому или крестьянскому обществу. Потеря дворянских сословных привилегий рассматривалась шляхтой как социальная катастрофа, крушение устоявшихся норм и ценностей.

¹ Здесь и далее приведенные данные взяты из официальных статистических изданий Министерства юстиции Российской империи за соответствующие годы – «Свод статистических сведений по делам уголовным» [11], [12], [13], [14], [15], [16].

Необходимо отметить, что, несмотря на свою многочисленность и социальную неоднородность, белорусское дворянство стремилось к сохранению традиционных социальных связей и моральных устоев. По данным судебной статистики уровень криминогенности этой социальной группы оставался достаточно низким. Например, в 1887 г. окружными и мировыми судами в белорусских губерниях был осужден 231 дворянин (2,5 % от общего числа осужденных судебными учреждениями), в 1891 – 146 (1,6 %), в 1897 г. – 123 (1,5 %), в 1907 г. – 74 (0,8 %), в 1910 г. – 193 (1,7 %). Представители высшего сословия Беларуси, за исключением единичных случаев, не фигурировали среди осужденных мировыми судами за мелкие преступления.

Однако при анализе данных о преступности представителей привилегированного сословия в Беларуси необходимо учесть одно очень важное обстоятельство. Официальная судебная статистика содержит лишь те дела, которые рассматривались в порядке общегражданского судопроизводства - общими и мировыми судами. Вместе с тем в белорусских губерниях до 1870 г. действовало военное положение, по нормам которого были репрессированы десятки тысяч участников восстания 1863–1864 гг., подавляющее большинство которых составляли представители привилегированного сословия. По приговорам военно-полевых судов было казнено 128 человек, из них 7 ксендзов, 68 лиц дворянского сословия, 53 человека из шляхты, однодворцев, офицеров, мещан, крестьян. На каторгу были осуждены 853 человека, среди которых было 592 дворянина, 36 священников. В ссылку в Сибирь, в отдаленные районы России было отправлено около 16 тысяч человек [17, с. 95–98].

В 1881 г. вступило в силу Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия. Оно наделяло губернские власти особыми полномочиями в охране государственного порядка. Генерал-губернаторы могли вводить на подведомственной территории положение усиленной охраны, учреждать особые военно-полицейские команды и придавать им определенные права и обязанности, в том числе и право изъятия из общей подсудности дел с передачей их к производству военного суда. Такие полномочия рассматривались как временная мера борьбы с политической преступностью, однако они просуществовали до 1917 г.

Конец XIX – начало XX вв. ознаменовались ростом числа преступлений против государственного порядка среди белорусских дворян. Положение усиленной охраны было введено в Витебской, Могилевской, Гродненской губерниях. Таким образом, огромное количество дел рассматривалось по упрощенной схеме военными судами. Как отмечал С.С. Остроумов, «назначение этих судов заключалось в беспощадной борьбе с «крамолой» путем «упрощения» следствия и суда, в усилении наказания до смертной казни» [18, с. 269]. Так, по данным министерства внутренних дел, в Российской империи за период 1892–1898 гг. было сослано в Сибирь 227099 чел., из них по суду только 49222 чел., или 21,7 %. Следовательно, почти 8/10 всех сосланных этапировались в Сибирь царским правительством без вынесения судебных приговоров [18, с. 270].

На протяжении всего пребывания белорусских земель в составе Российской империи значительная часть дворянства находилась в оппозиции царской власти и неоднократно вступала с ней в вооруженную конфронтацию. Во второй половине XIX – начале XX вв. среди белорусских дворян доля осужденных за «политические» преступления была больше, чем в других сословных группах, несмотря на то, что значительная часть осужденных не фигурировала в официальной судебной статистике. Вместе с тем, криминогенность среди высшего сословия в сфере имущественных, личностных отношений оставалась невысокой.

Литература

1. Каханоўскі, А.Г. Сацыяльная трансфармацыя беларускага грамадства (1861–1914 гг.) / А.Г. Каханоўскі. – Мінск : БДУ, 2013. – 333 с.
2. Грамота на права, вольности и преимущества благодарного Российского Дворянства от 21 апреля 1785 г. / Полное собрание законов Российской империи. – СПб. : Тип. II отд. Собств. Е.И.В. канц., 1830. – Собрание первое. Том XXII. – С. 344–358.
3. О мерах к успешнейшему окончанию дел о правах лиц доказывающих дворянское достоинство по происхождению от бывшей польской шляхты : Сенатский указ, 23 сентября 1864 г. / Пол-

ное собрание законов Российской империи. – СПб. : Тип. II отд. Собств. Е.И.В. канц., 1867. – Собрание второе. Том XXXIX. Часть 1. – С. 907–909.

4. Дакументы і матэрыялы па гісторыі Беларусі / пад рэд. Н.М. Нікольскага, Д.А. Дудкова, І.Ф. Лочмеля ; АН БССР, Ін-т гісторыі. – Мінск : Выд-ва АН БССР, 1940. – Т. 2 : (1772–1903 гг.). – 939 с.

5. Жытко, А.П. Дваранства Беларусі перыяду капіталізму. 1861–1914 гг. / А.П. Жытко. – Мінск : БДПУ, 2003. – 233 с.

6. О воспрещении лицам Польского происхождения вновь приобретать помещичьи имения в девяти Западных губерниях : Именной указ Сенату, 10 декабря 1865 г. / Полное собрание законов Российской империи. – СПб. : Тип. II отд. Собств. Е.И.В. канц., 1867. – Собрание второе. Том XL. Часть 2. – С. 326–327.

7. Об установлении правил относительно приобретения в собственность, залога и арендовании в девяти Западных губерниях земельных имуществ, вне городов и местечек расположенных : Именной указ Сенату, 27 декабря 1884 г. / Полное собрание законов Российской империи. – СПб., 1887. – Собрание третье. Том IV. – С. 602–604.

8. Об объявлении всех свидетельств, выданных до издания правил 27 декабря 1884 г. на покупку имений в Западном крае потерявшими свою силу : Положение Комитета Министров, 1 ноября 1886 г. / Полное собрание законов Российской империи. – СПб., 1887. – Собрание третье. Том VI. – С. 470.

9. О воспрещении лицам Польского происхождения пожизненного владения земельной собственностью в девяти Западных губерниях, на которых распространяется действие закона от 10 декабря 1865 г. : Постановление Комитета министров, 2 февраля 1891 г. / Полное собрание законов Российской империи. – СПб., 1894. – Собрание третье. Том XI. – С. 41.

10. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. : Распределение населения по главнейшим сословиям, вероисповеданиям, родному языку и по некоторым занятиям: краткие общие сведения по Империи / Под ред. Н.А. Тройницкого. – СПб. : Паровая типо-лит. Н.Л. Ныркина, 1905. – 43 с.

11. Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся в 1887 г. в судебных учреждениях, действующих на основании уставов Императора Александра II / Издание Министерства Юстиции : в 3 ч. – СПб. : Типография правительствующего сената, 1891. – 294 с.

12. Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся в 1891 г. в судебных учреждениях, действующих на основании уставов Императора Александра II / Издание Министерства Юстиции : в 3 ч. – СПб. : Типография правительствующего сената, 1896. – 298 с.

13. Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся в 1897 г. в судебных учреждениях, действующих на основании уставов Императора Александра II / Издание Министерства Юстиции : в 3 ч. – СПб. : Сенатская типография, 1901. – 632 с.

14. Свод статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам общих судебных мест, судебно-мировых установлений и учреждений, образованных по законоположениям 12 июля 1889 г., за 1907 г. / Издание Министерства Юстиции : в 2 ч. – СПб. : Сенатская типография, 1910. – 437 с.

15. Свод статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам общих судебных мест, судебно-мировых установлений и учреждений, образованных по законоположениям 12 июля 1889 г., за 1910 г. / Издание Министерства Юстиции : в 2 ч. – СПб. : Сенатская типография, 1913. – 483 с.

16. Свод статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам общих судебных мест, судебно-мировых установлений и учреждений, образованных по законоположениям 12 июля 1889 г., за 1912 г. / Издание Министерства Юстиции : в 2 ч. – Пг. : Сенатская типография, 1915. – 407 с.

17. Восстание в Литве и Белоруссии 1863–1864 гг. : Сборник документов / Предисл. Ю. Жюгды, В. Неупокоева ; ред. коллегия: В. Дьяков [и др.]. – Москва : Наука, 1965. – 586 с.

18. Остроумов, С.С. Очерки по истории уголовной статистики дореволюционной России / С.С. Остроумов. – М., 1961. – 304 с.